

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ НОВОДЕЛ КАК ЯЗЫКОВОЙ БЕСПРЕДЕЛ, ИЛИ «СОЧЕТАНИЕ ПРАКТИЧЕСКОГО РАБОТНИКА С НАУЧНЫМ ПОИСКОМ»

Сегодня время уже не умиляться бурному потоку дебилизированного языковым (речевым) беспределом «научного творчества», а понять, что этот поток разрушает и науку, и сам народ. В минуту, когда на горле нации всё сильнее и ожесточеннее сжимаются тиски реформ, пропахшие купюрами, учёные, словно в оправдание клейма «образовательные услуги», заняты изобретением пустопорожних тем исследований, несуществующих слов и проставлением немислимых «лично-ориентированных» знаков в нетрадиционно ориентированную педагогику... Ущербность её, этой «самой весёлой науки» (В.А. Сухомлинский) — в презрении к языку, на котором она говорит, и к народу, сделавшему язык основой своей культуры и своего государства.

«Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой. И назовёт меня всяк сущий в ней язык...» И что, как не помощь в уничтожении целого народа, — околонучные, выписываемые со старательностью тирады о «студентах неосознающих ведущую карьерную ориентацию» (написано именно так, с двумя грубейшими ошибками в одной строчке, не говоря уже о стиле!), о том, что целью «является выявить особенности». Наконец, признание: «В то же время, ребёнок общается с гораздо

А. Мурашов,
*профессор, доктор
филологических
наук, г. Москва*

**Завершаем тему, начатую
в 6 номере за 2008 год,
о соблюдении языковых
норм как основе
и общечеловеческой,
личностной культуры,
и педагогического
мастерства.**

Гибель человека — это гибель речи, избыливающей ошибками как показателем безмыслия. Гибель народа — это гибель языка; не случайно «язык» и «народ» исторически рассматривались как абсолютное тождество.

более разнообразным социумом, и его отношения значительно богаче, чем он получает в группе дошкольного учреждения! Всё ясно? Отношения ребёнка? Социума? С кем? Что и от кого он получает в группе? А вы знаете, что является «наиболее ёмким определением личностного самоопределения»? Поймёте, прочитав про «межличностные отношения с окружающими», с кем ещё такие отношения могут быть? А чувствуете, коли «в тоже время» «интегрированы так же показатели рефлексивности», «а так же приоритетные карьерные ориентации», — что личность «является ничем иным как согласованием стереотипов поведения», «осно-

образования». Из последующих силлогизмов обеих можно лишь утвердиться в мысли, что распад личности тоже начинается с беспредела, который эта личность (или уже индивид?) творит с языком. Но в обществах, прокладывавших путь к культурно-цивилизационному становлению, элиту нации, выделяющую мысль из хаоса безмыслия, составляли учёные. Как и любая область человеческой деятельности, наука являет себя в языке; когда же в нём беспредел, сродни тюремному, то в обществе может быть не становление, а только хаос, передел, — наш великий русский язык уже не имеет сил сопротивляться «научно-педагогическим» пощечинам и тумакам, раздаваемым в подражание культовым героям эпохи блатного сленга и олигархического беспредела...

Не предпринимая попытки классифицировать речевое безобразие нынешней педагогики по характеру ошибок, их причинам и психологическим предпосылкам, — утверждаю, что педагогический передел как языковой беспредел, — плоть от плоти творящегося вокруг. В нём, творящемся, — попытка называть грабителей элитой, преступление — законом, а очевидное разрушение языка, ведущее к исчезновению целого народа, — наукой, «достойной присуждения» и «соответствующей требовани-

Распад личности тоже начинается с беспредела, который эта личность (или уже индивид?) творит с языком.

ванным на мотивах, неосознаваемых человеком»?

Дама-учёный серьёзно рассуждает о «понимании характера влияния фактора школьной успешности», другая — о «движении к построению, отвечающего вызовам времени вариативного

Оглядываться бесполезно. Считать ошибки — тоже. Их делают не потому, что «корректор пропустил», а потому, что безграмотность и одичание, возводимые в культ всеми возможными средствами, затронули и педагогическую элиту.

ям». Наука, накрепко усвоившая принцип толерантности по отношению к творящемуся речевому безумию, убеждает в необходимости быть терпимыми к её неизбежному крушению.

Ошибки и несуразности, заполнившие страницы педагогических трудов, — словно победный рапорт о следовании по назначенному кем-то пути к пропасти. И нет времени вспоминать, что ошибка в науке — больше чем ошибка, ибо не только отражает собственную безграмотность, но и программирует на неё других, сохранивших веру в авторитет учёной мантии. А значит, и языковая норма в науке — больше чем норма: она обязана оставаться столь же неизменной, как статья закона, как факт — основа научного аргумента.

Нет и не может быть «языка педагогики», изобретающего свои слова и свои правила их употребления. Есть русский язык. И есть — педагогический языковой беспредел.

Это глумление над наукой — называть ошибки «языком науки», а придуманные наспех неуклюжие слова, напоминающие уродливые пломбы на вполне здоровых зубах, — открытиями, а откровенных неучей, эти открытия совершающих, — кандидатами и докторами педагогических наук. Незыблема истина: учёный *не умеет* говорить и писать с ошибками, потому что он — лицо нации, отражающееся в зеркале языка. Когда же в этом зеркале появляется только непроносимое и непечатное — на зеркало нечего и пенять...

